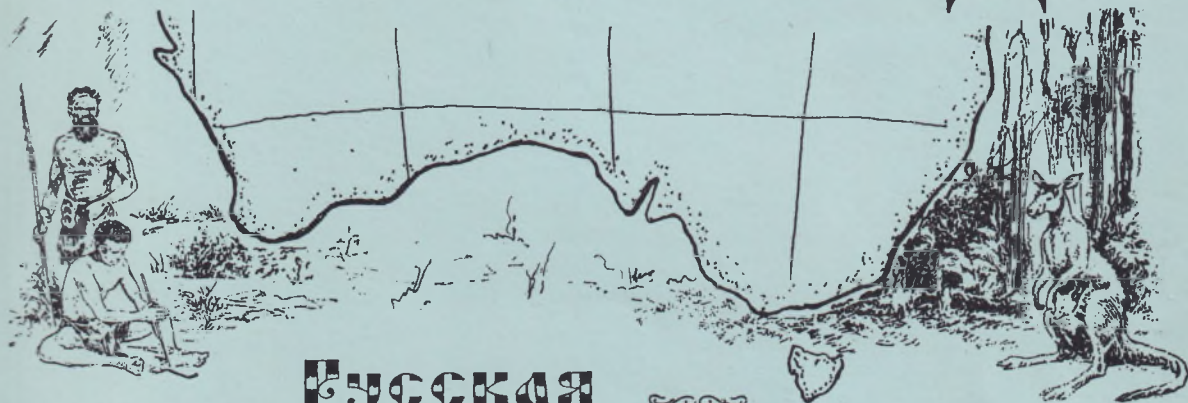


# АВСТРАЛИАДА



Русская  
ИСТОРИЯ



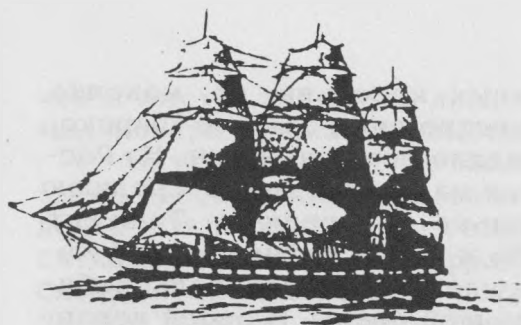
Сергей  
Жаров

СИДНЕЙ



1997





## Из ранней истории

Елена ГОВОР

### Ильины из племени нгаджан



Автор и Дерек Хулихэн, праправнук Николая Ильина

Чтоб я тебя, дитя, считал  
Моим желанным, милым сыном,  
Будь просвещенным гражданином,  
Храни на сердце идеал  
Добра и правды, с меньшим братом  
Крохой последней поделись;  
А перед сильным супостатом  
Сломися лучше, но не гнишь.

Николай Ильин сыну Леандро. 1890

Дерек появился у нас в июне прошлого года. Невысокий юноша с мягкой открытой улыбкой, глубокими черными глазами, пышными курчавыми волосами и темно-коричневой кожей. "Настоящий абориген тасманонидного типа", — подумал мой муж-антрополог. Но Дерек представился: "Я праправнук Николая Ильина". Посыпались вопросы, я доставала пачки бумаг и документов, а Дерек рассказывал истории, которые он слышал от своих предков. Так, вместе с потомками Ильиных, мы начали писать книгу их жизни. "У вас первые главы, у нас — последние", — задумчиво сказал Дерек. Он, простой парень, выросший в Таунсвилле, повар по профессии, на первый взгляд не унаследовал от своих предков ни капли

"русскости" — ни русского языка, ни православной религии, ни представления о русской истории. Но, как вскоре выяснилось, он обладал самым главным — нравственным кредо русского интеллигента конца прошлого века: "все люди равны", "нужно стоять за слабым и обиженным", "надо твердо знать границу между правым и неправым делом". Конечно, все мы слышали такие слова не раз, но далеко не всегда способны неукоснительно соблюдать их в повседневной жизни. Дерек же говорил об этом как о чем-то личном и глубоко сокровенном, как о заветах, передающихся в их семье из поколения в поколение. И чем глубже мы уходили в прошлое, тем яснее становилось, что в этой семье нравственный максимализм всегда был частью повседневной жизни, частью судеб.

Но сначала все по порядку. Родоначальником австралийских Ильиных был Николай Дмитриевич Ильин (1852-1922). Пассионарность, или, говоря по-русски, неугомонность, была, как кажется, у него в крови. Ведь среди его предков, — моряков и военных, — был и беззаветный смельчак лейтенант Дмитрий Сергеевич Ильин, чей подвиг решил исход знаменитой русской победы в Чесме в 1770 г., и Николай Ильин, герой Бородинской битвы, и граф Ян Потоцкий, борец за независимость Польши. Однако Николай Дмитриевич не стал военным, он выбрал себе другую судьбу — вечно мятущегося русского интеллигента: из Медико-хирургической академии, которую он так и не кончил, в Америку, оттуда в саратовскую глушь, в имение своих предков Ильинку, где он пытался добиться экономической независимости для своих

Copyright © Елена Говор. Перепечатка статьи или воспроизведение в любой форме приводимых в ней материалов допускается только с письменного согласия автора (Dr Elena Govor, History Program, RSSS, The Australian National University, Canberra ACT 0200, Australia).



Николай Дмитриевич Ильин (1852-1922)

бывших крепостных крестьян, но, конечно, прогорел сам. Чувство вины за свое "барское прошлое" не покидало его всю жизнь. Из России он отправился на десять лет в Среднюю Азию, только-только покоренную—Ташкент, Коканд, Памир. Но и здесь Ильин, мелкий чиновник, а затем судебный следователь, выбивался из окружающей среды. В своей неравной борьбе с могущественным племенем любителей легкой наживы, захлестнувшим мутной волной Среднюю Азию, он потерпел поражение и в 1886 г. бежал в Петербург.

Работая частным поверенным в суде, защищая интересы городской бедноты, он описал все перипетии своей борьбы в романе "В новом краю". Он продолжал мучительно искать правду. Неожиданно, под влиянием "Крейцеровой сонаты", он увлекся толстовством до такой степени, что в 1890 г. отправился за границу пропагандировать его учение с выставкой картины художника-толстовца Н.Н. Ге "Что есть истина?" Результатом этой поездки стал наделавший в свое время много шума "Дневник толстовца", отразивший доходящий до крайности максимализм Николая, его глубокое разочарование в Толстом и толстовцах. Пока до конца не ясно, что привело Николая к бегству из России в Аргентину. Вскоре к нему присоединилась семья—жена Александра Кон-

стантиновна (1861-1945) и дети, Леандро (1882-1946), Ромелио (1886-1976) и Ариадна (1890-1971). Около 12 лет они занимались скотоводством в предгорьях Анд, в Патагонии, а в 1910 решились перебраться в Австралию. По пути туда, в Париже, Николай опубликовал книгу стихов "Песни земли", подводившую итоги его жизни.

И снова они начали с нуля. К юго-западу от Кэрнса, на горном плато Атертон около ручья Бутчерс Крик они получили землю. Впрочем, земли на первых порах не было видно—сплошной стеной стоял "дремучий, вековой", как выразился Николай, тропический лес. Выкопали колодец, срубили хижину и успели переселиться в нее до наступления периода тропических ливней. И началась упорная борьба с лесом. Огромные деревья—в несколько обхватов у основания—рубили стоя на доске, вставленной в ствол дерева на высоте нескольких метров от земли. Особенно искусен стал в этом Ромелио. Срубленный лес сжигали, а землю засеивали травами. Вскоре купили первое стадо коров; сдавая молочные продукты в Маланду, стали получать небольшой доход для покрытия банковской ссуды на землю. А Николай наконец-то осуществил свою давнюю мечту—посадил сад. Первый его сад в деревне Ильинка был продан крестьянам, второй, на окраине Ташкента, он бросил, спасаясь от преследований, и вот теперь он растил новый сад на отвоеванной у джунглей земле...

Несмотря на трудности, австралийская жизнь внушала ему оптимизм. Еще по прибытии в Австралию она показалась Ильиным страной "сплошной сытости". И когда Николай "вошел в самую жизнь, в толщу населения, то убедился, что нищеты здесь нет совершенно, а то, что здесь по имущественной группировке—бедность, то по нашей социальной мерке представляет собою завидный достаток". Николай стремился понять, на чем основывается успех австралийского общества. "Я сразу проникся убеждением, что тут происходит работа сознательная, разумная",—писал он после посещения колонизационного отдела в Брисбене. "Край только возрождается к жизни, которая строится на началах, не имеющих ничего общего не только с нашими исконно-русскими, но во многом разнящихся и от заграничных, европейских и американских",—отмечал он в одной из своих корреспонденций несколько лет спустя. Одним из важнейших принципов австралийской общественной жизни он называл равенство, уважительное отношение людей друг к другу независимо от их имущественного положения. "Характерной чертой демократичности края служит то,

что в Австралии всего лишь один сорт муки и хлеба как для бедняка, так и для миллионера, и никакого высшего сорта нет в продаже".

Неудивительно, что Николай хотел привлечь в Австралию русских и основать здесь русскую колонию, об этом он писал властям еще в начале 1911 г. Вскоре рядом с его фермой стали селиться русские семьи. К 1917 г. их было уже около десятка, и местность Гадгарра, где расселились русские, стали называть "Маленькой Сибирью". До сих пор там сохранились русские топонимы: "дорога Гадалова" и "холм Ламина". Здесь, кстати, и родился будущий лауреат Нобелевской премии академик Александр Михайлович Прохоров. У дороги Гадалова все еще живет на ферме Билл Хоменко—последний могиканин первой русской эмиграции. Он родился во Владивостоке в 1913 г. и все еще помнит Ильиных, Прохоровых и других русских соседей.

Но вклад Ильиных в русскую колонизацию Австралии не ограничился "Маленькой Сибирью". Их устремления совпали с планами австралийского правительств. Дело в том, что в 1911 г. наплыв русских иммигрантов в Квинсленд значительно возрос. Иммиграционный Дом в Брисбене был переполнен, а каждый японский пароход привозил все новых русских с Дальнего Востока. Русский вице-консул в Мельбурне Харольд Слей предложил федеральному правительству расселить русских на Северной Территории. Правительство заинтересовалось этим планом и предложило русским отправить туда ходоков. На Рождество 1911 г. по призыву Союза русских эмигрантов русские со всего Квинсленда съехались в Брисбен на общее собрание, чтобы выбрать ходоков. Среди выбранных был сын Николая—Леандро Ильин. Символично, что на этом собрании столкнулись два подхода к судьбам русских в Австралии. Одни, как Леандро Ильин, хотели направить общину в конструктивное русло, осуществить с помощью австралийских властей давние чаяния русских крестьян о свободной жизни на своей собственной земле. Другие, возглавляемые известным революционером-ленинцем Артемом (Ф.А.Сергеевым), предпочитали путь радикализации русских иммигрантов, воспитание их в духе пролетарской классовой сознательности и превращения в активных проводников идей марксизма-ленинизма в рабочем движении Австралии. Воспользовавшись собранием, Артем захватил руководство в Союзе и направил его по пути радикализации.

В марте 1912 г. Леандро Ильин вместе с Константином Владимировым, членом Русского географического общества, эмигрировавшим в Австралию, приехали в Дарвин. Они провели на севере полуострова Арнемленд больше двух месяцев, посетив два десятка ферм. Владимиров изложил свои наблюдения в виде систематического отчета, Леандро же на протяжении всей экспедиции вел дневник, который в переводе на английский язык он представил правительству. Два года назад мне удалось обнаружить в австралийских архивах многочисленные документы, связанные с историей этой забытой попытки основать русскую колонию в Австралии. В то время я еще не знала ни о предках, ни о потомках Леандро, но уже при чтении первых страниц его дневника меня поразила необычность и цельность его натуры. Мальчик, выросший в отрыве от России,—по семейному преданию, в 11 лет мать послала его одного к отцу в Аргентину, где он воспитывался на "мозольном труде",—Леандро удивительным образом соединил в себе лучшие черты русского интеллигента и русского крестьянина. Внутренняя культура, моральная ответственность интеллигента перед народом сочетались в нем со здравым смыслом, неприхотливостью и простотой крестьянина. При этом он был начисто лишен витийствования, слабости, пассивности интеллигента и забитости, покорности крестьянина. В дневнике, который он впоследствии передал Министру иностранных дел Австралии Джошуа Томасу, кстати, бывшему шахтеру, Леандро не смущаясь говорил как равный с равным о социально-экономических проблемах Северной Территории, о недостатках местной администрации. Но, в отличие от русских революционеров, не находивших ничего хорошего в общественном строе приютившей их страны, Леандро считал, что "австралийцы стремятся установить у себя наилучшие законы и свободу", и верил в великое будущее страны.

Рекомендации Ильина и Владимирова относительно расселения их земляков на Северной Территории были в целом положительные. Они подчеркивали, что эта земля вряд ли привлечет людей с капиталом, людей, желающих разбогатеть. Но "возьмите человека, которому нечего терять, голодающих, помогите им немного, и они заживут хорошо",—взывал Ильин к федеральному правительству. Ильин и Владимиров считали, что лучшим занятием для русских поселенцев было бы фермерское хозяйство смешанного типа, где свиноводство дополнялось бы огородничеством и разведением коз для обеспечения нужд семьи фермера. От правительства требовалась лишь первоначальная помощь—обеспечить переселенцев жилищем, дать скот, семена и расчищенный участок. После возвращения Леандро выступил перед земляками в Брисбене. Русские, работавшие в то время в основном чернорабочими на строительстве железных дорог, проявили большой интерес к переселению на собственную землю. С любовью истинных крестьян они разминали в руках землю и рассматривали образцы злаков, привезенных Леандро. План русской колонии был вполне реальным, и небольшая помощь, которая требовалась от правительства, вскоре могла бы обернуться сторицей. К сожалению, в 1913 г., после ухода Джошуа Томаса, поддерживавшего русских, правительство



утратило интерес к этому плану, и русские, вместо того чтобы стать фермерами и вращаться в австралийскую жизнь, оставались наемными рабочими, все более радикализируясь, что в конечном итоге привело к знаменитым бунтам Красного флага в 1919 г.

Читая дневник Леандро, я обратила внимание на его отношение к аборигенам. Он замечал и пытался довести до сведения федерального правительства то, что многие белые поселенцы того времени считали в порядке вещей. Разделяя типичное для своего времени убеждение в превосходстве белого человека над аборигенами в их нынешнем состоянии, Леандро тем не менее осознавал и превосходство аборигенов в некоторых областях, и, что самое главное, был убежден, что европейцы должны обращаться с аборигенами как с равными. В дневнике он описывал вопиющие факты эксплуатации аборигенов фермерами. Добравшись до плантации на реке Дейли, Леандро хотел заплатить аборигенам-проводникам провизией, но хозяева плантации потребовали, чтобы он "не портил их черных, т.к. они не получают столько еды и за год работы". На следующий день, когда Леандро хотел выбросить банку испортившихся консервов, хозяин посоветовал отдать ее туземным мальчишкам. "Но ведь они могут отравиться",—возразил Леандро. "Ничего, их еще много",—равнодушно ответил тот. Когда же Леандро предложил аборигенам чай, плантатор сердито закричал: "Хватит с них и воды, не смей портить моих черных!"

В то время Леандро еще не подозревал, что скоро ему самому предстоит выдержать экзамен на гуманное отношение к аборигенам. Вернувшись на свою ферму на плато Атертон, Леандро занялся расчисткой участка. Джунгли, покрывавшие холмистую землю, были врагом только для европейцев. Для аборигенов они уже тысячелетия служили домом. Для них вся эта земля имела не только обыденное, но и мифологическое измерение. За фермой Николая, налево от дороги Гадалова, был кратер потухшего вулкана, в этом кратере некогда жила змея-радуга, хранительница огня. Птицы (пралюдии) похитили у нее огонь, тогда рассерженная змея забрала с собой всю воду, выползла из кратера и, спустившись вниз, остановилась в том месте, где сейчас находится озеро Баррин, и там извергла ее. Кратер за фермой Ильиных был очевидно духовным центром обитавшей в этих местах группы аборигенов из племени нгаджан. На его склоне была площадка для священных обрядов ("бора-граунд"), а ниже—лагерь аборигенов. О змее-создательнице ландшафта мне рассказала Джесси Калико, которая слышала эту историю в детстве от своей бабушки.

Вот из этого-то лагеря и пришла в дом Ильиных Китти—невысокая молодая женщина с копной пышных волос и с суровым на первый взгляд лицом, которое преобразалось, когда его озаряла застенчивая белозубая улыбка. Ее мать Эмили увидела первых европейцев, когда была подростком. Много лет спустя она рассказывала своим внукам о том, как безжалостно расстреливали они аборигенов, когда обнаружили их лагерь на берегу озера Эчем. Отец и дед Китти были уважаемыми лидерами своего народа, европейцы дали им прозвища "Кинг Вилли" и "Кинг Барри". Они-то и были владельцами земли, которую заняли теперь европейцы. Ильиные, в отличие от многих соседей, помогали аборигенам чем могли. Смышленная, честная Китти, которая нуждалась в работе,—у нее было трое детей,—оказалась незаменимой помощницей по хозяйству, а вскоре стала фактически женой Леандро. В июне 1914 г. родился их первенец Дик. И тут-то "демократическая" Австралия обернулась к Ильиным другим лицом. За Китти, посмевавшей нарушить закон белых, запрещающий сожительство с европейцами, пришел полицейский для выселения ее и детей в резервацию "для их же собственного блага", как говорилось в ордере. Протектор аборигенов отказался дать Леандро разрешение на брак и начал настоящую охоту на Китти, ожидавшую второго ребенка. Оставив маленького Дика



Леандро Ильин (1882-1946)

на попечение Николая и Александры, Леандро, взяв ружье, бежал вместе с Китти в горы и несколько месяцев жил с аборигенами. И только его отчаянное обращение к ведущим политикам-лейбористам помогло им формально зарегистрировать свой брак в 1915 г.

В 1920 г. Ильины решили уехать из Австралии—и снова Леандро оказался перед нравственной дилеммой. Власти не разрешали ему и Китти вывезти из страны ее сына от первого брака девятилетнего Джорджа, жившего с ними, предлагая оставить его "под защитой полиции". "Не в моих правилах разлучать ребенка с матерью",—заявил Леандро,—"а что такое полицейская защита, мы все прекрасно знаем". Так, в 1921 г. он навсегда расстался с родителями, братом и сестрой, отправившимися в Центральную Америку. Леандро со своей семьей тоже покинул плато Атертон и перебрался в места с более сухим климатом. Здесь он работал на скотоводческих станциях в районе реки Бэдекин—разнорабочим, гуртовщиком, охотником, огородником. Они довольствовались малым—хижиной с земляным полом, а то и просто палаткой на берегу реки, уткой или рыбой, зажаренными на вечернем костре под звездами, веселыми песнями под мандолину. "Простая, чистая, честная жизнь и дети были главное для него",—вспоминает его старшая дочь Флора. Но это не было бегством от действительности, Леандро стяжал славу "адвоката из буша", защищая права аборигенов, а позже, когда он переехал в Инхэм,—итальянцев. У Леандро и Китти было пять детей—Дик, Флора, Том, Хари и Лулу (Вера Аралуен). В 1925 г., когда Лулу было всего 3 года, Китти умерла при родах на отдаленной скотоводческой станции. Леандро отказался отдать детей на воспитание и вместе со старшими детьми заботился о малышах, учил их грамоте и всему тому, чему научил его отец.

Недавно вместе с Флорой и Хари мы побывали на скотоводческих фермах, где они провели детство. Это была настоящая австралийская глубинка—Никогда-Никогда—земля за пределами времени с таинственными названиями: Миннамукла, Гуннавара, Кристмас крик, Гринвэл, Утопия, Каменная река... Время как будто замерло там. Мы входили в заброшенные дома,—после того как по ним прошлось наводнение, их уже не восстанавливали,—и Флора наполняла их тенями прошлого: "Вот здесь была столовая хозяев, по вечерам играла пианола и мы приходили к ним петь, вот в этой пристройке я сбивала масло, а на том холме мы спасались ночью во время наводнения 1927 г..."

Умер Леандро в Таунсвилле в 1946 г. Ныне у него 34 внука и свыше 100 правнуков. Большинство из них считают себя аборигенами. Благодаря смешанным бракам в их семью вошли аборигены многих племен—от островов Торресова пролива на севере до камиларои на юге. И все же земля племени игаджан на плато Атертон, откуда Китти и Леандро начали свой путь 80 лет назад, остается для многих из них духовным средоточием. Недавно правительство восстановило собственность аборигенов на часть этой земли. Но не менее дороги для всех них и их русские корни, многие из них мечтают увидеть Россию, родину своих далеких предков, разыскать своих русских родственников. Старшие бережно хранят несколько русских реликвий, в том числе рукописи Николая, фотографии, письма. Многие члены этой семьи стояли у истоков движения за права аборигенов в 1970-х гг., реализовав на практике нравственные заветы русских интеллигентов Николая и Леандро. Сейчас к ним присоединяется молодое поколение.

Остается сказать несколько слов о последних годах самого Николая. Покинув Австралию в 1921 г., семидесятилетний Николай привел свою семью в дикий еще в те времена Гондурас в Центральной Америке, где он надеялся основать русскую колонию и переселить туда 10 тысяч русских, бежавших от революции. В 1922 г. он умер в затерянном в горах городке Сан Педро Сула, не успев осуществить свой замысел. Потомки его детей—Ариадны и Ромелио,—которых уже свыше сотни, смешались с местным населением, в том числе с индейцами. Как и их австралийские родственники, они свято чтят память своих русских предков. И в обоих кланах растут дети с именами Николай, Александра и Леандро. Вместе с ними я надеюсь вернуть русской и австралийской истории забытые имена Николая и Леандро Ильиных и подробно рассказать об этой необычной семье в книге, над которой я сейчас работаю.

Источники: Интервью автора с потомками Леандро—Флорой, Эристом, Дерексом, Хари, Алеком, Глендой, Верой, Нолой, Леандро—младшим, Нелли и многими другими. Благодарю за помощь в сборе русских источников А.Я.Массова, Н.В.Рыжак, В.А.Проводину. Ссылки на архивные источники см. в кн.: E.Govor, *Australia in the Russian Mirror*, Melbourne University Press (в печати). Фотографии Николая и Леандро предоставлены семьей Ильиных.